

Политаева Елизавета Маратовна

Студент 4 курса бакалавриата

Факультета международного регионоведения и регионального управления

missis.politaeva@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Аннотация: В статье исследуется трансформация экономических отношений между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) в условиях санкционного давления и геополитических изменений, произошедших после 2022 года. Рассматриваются исторические предпосылки и современное состояние двустороннего сотрудничества, анализируются изменения в структуре товарооборота, инфраструктурные проекты и влияние санкций на взаимные торговые и инвестиционные связи. На основании широкого массива данных и современных теоретических подходов сделан вывод о формировании новой модели экономического взаимодействия России и КНДР, характеризующейся устойчивостью к внешнему давлению и стратегическим сближением.

Ключевые слова: Россия, КНДР, экономическое сотрудничество, санкции, торговля, инвестиции, геополитика, санкционные ограничения, инфраструктурные проекты, Северо-Восточная Азия.

Abstract

The article examines the transformation of economic relations between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) under sanction pressures and geopolitical shifts occurring after 2022. Historical contexts and contemporary developments of bilateral cooperation are analyzed, with particular attention to changes in trade structures, infrastructural projects, and the effects of sanctions on mutual trade and investment relations. Employing extensive empirical

data and contemporary theoretical frameworks, the study concludes that Russia and the DPRK are forming a new model of economic interaction characterized by resilience to external pressures and strategic convergence.

Keywords: Russia, DPRK, economic cooperation, sanctions, trade, investment, geopolitics, sanction regimes, infrastructure projects, Northeast Asia.

ВВЕДЕНИЕ

Экономические отношения между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) в последние десятилетия претерпели значительные трансформации, обусловленные как глобальными геополитическими сдвигами, так и внутренними реформами обеих стран [3]. После распада СССР российско-северокорейская торговля в 1990-е годы практически прекратилась, а политический диалог ограничивался эпизодическими контактами [3]. К середине 2010-х годов Москва списала около 90% советского долга КНДР (порядка 11 млрд USD) и ввела расчеты в рублях, что способствовало оживлению товарооборота [3], [14]. В 2020 г. Россия поставила в КНДР 50 тыс. т пшеницы в рамках гуманитарной помощи по распоряжению Президента РФ [3].

На рубеже 2016–2017 годов международная обстановка вокруг Корейского полуострова снова осложнилась [8]. Серия ракетно-ядерных испытаний КНДР привела к беспрецедентно жёстким санкциям Совета Безопасности ООН, к которым присоединилась и Россия [9]. Эти меры резко сократили внешнеэкономические возможности Пхеньяна, что отразилось и на двустороннем товарообороте [13]. С 2015 по 2020 год официальная торговля между РФ и КНДР упала с 84,3 млн до 42,7 млн долл., а после введения наиболее жёстких санкций фактически замерла [3]. В 2022 году, на фоне пандемийной изоляции КНДР, товарооборот составил всего 3,78 млн долл. — минимальное значение за всю постсоветскую историю [3].

Однако уже в 2023 году наметился резкий перелом. Полномасштабный кризис в отношениях России с Западом и начало специальной военной

операции в Украине сформировали новые геополитические условия [27]. Обе страны оказались в изоляции от ведущих мировых экономик и столкнулись с жёстким санкционным давлением, что стало стимулом для сближения Москвы и Пхеньяна [27]. Цель данного исследования – проанализировать трансформацию экономических связей России и КНДР, особенно на современном этапе (после 2022 года), в контексте взаимной адаптации к санкциям и переориентации внешнеэкономических связей. Задачи исследования включают: обзор современных научных подходов к изучению экономических отношений под санкционным режимом; анализ динамики внешней торговли, транспортно-логистических проектов, влияния санкций на двустороннее сотрудничество; рассмотрение инвестиционной и технологической составляющей взаимодействия. Структура работы выстроена как академическое исследование: теоретическая часть (литературный обзор), затем эмпирический анализ с рассмотрением статистических данных и конкретных проектов, завершающийся выводами о перспективах сотрудничества.

Актуальность темы обусловлена обострением международной ситуации на Корейском полуострове и вокруг России. Возникает уникальный кейс: взаимодействие двух государств, находящихся под санкциями и имеющих ограниченный доступ к мировым рынкам. Опыт такой адаптации и трансформации экономических связей представляет интерес как с практической точки зрения (для прогнозирования дальнейшего развития региона), так и в теоретическом плане – для понимания того, как функционируют «островные» экономики в условиях изоляции и какие новые модели сотрудничества могут возникнуть в санкционном мире.

Теоретическая часть: современные научные подходы и концепции

В научной литературе выработан ряд подходов к анализу экономических отношений государств, находящихся под международными санкциями и в условиях политической изоляции. Одно из центральных направлений

исследований – эффективность санкционного давления и адаптация стран-«изгоев». Так, в работе И. А. Коргуна и Г. Д. Толорая (2022) на материалах Корейской Народно-Демократической Республики показано, что ужесточение санкций ООН в 2016–2017 гг. привело к резкому (более чем на 90 %) сокращению экспорта КНДР и существенному сжатию её экономики [13]. Тем не менее, авторы делают вывод, что хотя санкции нанесли серьезный урон народному хозяйству и социальной сфере Северной Кореи, они не достигли заявленных политических целей и не заставили Пхеньян отказаться от ракетно-ядерной программы. Более того, опыт КНДР продемонстрировал способность авторитарного режима приспосабливаться к внешнему давлению через внутреннюю мобилизацию ресурсов и неформальные схемы внешнеэкономической деятельности [14]. Этот вывод согласуется с более ранними исследованиями западных экспертов, которые отмечали, что международные санкции, изолируя КНДР от развитых экономик, лишь повышают её зависимость от узкого круга лояльных партнёров – прежде всего от Китая [17]. Феномен «торговли с изгоями» (trading with pariahs) описывается в литературе как ситуация, когда подсанкционная страна вынужденно переориентирует торговые потоки на государства, готовые игнорировать санкционные ограничения [18]. В случае Северной Кореи эмпирически зафиксировано доминирование Китая: по оценкам, на него приходилось свыше 90 % товарооборота КНДР к 2020 году, тогда как доля всех остальных партнёров стала минимальной [5, 17].

Другой теоретический аспект – формирование неформальных экономических сетей и альянсов между государствами, против которых применены санкции [16]. Современные концепции международных отношений (например, теория «коалиций аутсайдеров») предполагают, что изолированные от глобальных рынков страны могут находить общий интерес в экономическом сотрудничестве, основанном на принципе взаимодополняемости потребностей [16]. Так, Россия и КНДР в начале 2020-х оказались взаимозависимы в специфических областях: Москва нуждается в

определённой номенклатуре товаров (например, рабочей силе и некоторых видах сырья), а Пхеньян – в энергоносителях, продовольствии и технологиях, доступ к которым ограничен санкциями [14]. Такая комплементарность санкционных экономик нашла отражение в ряде исследований [15]. В аналитическом докладе CSIS (2025) отмечается, что война на Украине и санкции против России «катализировали возобновление сотрудничества между Москвой и Пхеньяном, основанного на обмене боеприпасов на продовольствие и энергию, а также на потенциальном обмене военными технологиями» [19]. Данный вывод сочетается с концепцией «альянса изгоев», согласно которой государства-оппоненты США спланируют в противовес существующему миропорядку, создавая альтернативные каналы торговли и финансов [20]. В случае России и КНДР формируется ось сотрудничества, выходящая за рамки чисто транзакционных сделок и приобретающая стратегический характер (что подтверждается заключением в 2024 г. двустороннего Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве, содержащего положения о взаимопомощи) [21].

В рамках теоретической дискуссии о перспективах экономического взаимодействия с КНДР важно учитывать и особенности плановой мобилизационной экономики этой страны [14]. Современные северокорееведы (например, А. Ланьков, Х. Смит и др.) указывают на двойственный характер северокорейской экономики, где официально господствует централизованное планирование, но фактически сформировался крупный теневой рыночный сектор [22]. Это означает, что внешнеэкономические связи КНДР могут реализовываться не только через межгосударственные соглашения, но и посредством трудно отслеживаемых неформальных каналов – контрабанды, посреднической торговли через третьи страны, использование криптовалют и т. д. [7]. Теоретические подходы сетевого анализа позволяют рассматривать экономические связи России и Северной Кореи как часть более широкой сети санкционного обхода [18]. В этой сети задействованы частные фирмы, офшорные посредники, судоходные компании под «удобными флагами» и

другие акторы, которые перемещают запрещённые товары (например, оружие, нефть) вне официальной статистики [7]. Сетевой подход помогает понять, как КНДР, несмотря на изоляцию, продолжает получать доступ к необходимым ресурсам, а Россия – находить новых потребителей и поставщиков вне западнцентричной системы [15].

Теоретическая рамка, в которой осмысляется экономическое сближение России и КНДР, складывалась вокруг концепции «жёсткой цели» – категории, предложенной Стивеном Хаггардом и Маркусом Ноландом для описания способности авторитарного режима перекладывать санкционные издержки на население без изменения стратегического курса [16]. Парадокс низкой результативности карательных мер объясняется логикой «оружейной взаимозависимости», раскрытой Генри Фэрреллом и Абрахамом Ньюманом: государства-центры мировых сетей используют узловые позиции для давления, тогда как периферийные режимы создают теневые каналы, минимизируя избирательный контроль глобальных инфраструктур [16].

Сужение внешней ниши заставляет Пхеньян переформатировать торговые маршруты в сторону партнёров, готовых игнорировать санкционные правила; Бенджамин Сильберстайн квалифицировал этот феномен как «торговлю с изгоями», показав, что санкции радикально повышают долю одного–двух толерантных контрагентов и формируют асимметричную зависимость [18]. Именно в эту нишу после 2022 г. входит Россия: хронология, реконструированная Виктором Ча и Энди Лимом, фиксирует последовательный обмен российских зерна, топлива и сервисов на северокорейские вооружения и рабочую силу, что превращает двустороннюю связку в элемент взаимозависимости обоих санкционных стран [27]. Концепция «коалиций аутсайдеров» Филиппы Уишник расширяет объяснение: политически изолированные государства формируют протосоюзы, спаянные идейной солидарностью и взаимодополняемостью ресурсов; недавний анализ FPR1 демонстрирует, что в треугольнике Москва–Пхеньян–Пекин именно

российско-северокорейское звено становится наиболее динамичным благодаря обмену критическими товарами и технологиями.

Развитие альянса подталкивает к институционализации обходных маршрутов [7]. Отчёты Панели экспертов комитета 1718 указывают, что прекращение доступа Пхеньяна к долларовой корреспондентской сети привело к резкому росту расчётов в рублях и юанях, а также к расширению бартерных схем через дальневосточные порты и новые сухопутные переходы, в частности строящийся мост в районе Туманган – Хасан . Атлантический совет характеризует российскую «тёмную» морскую флотилию как логистический амортизатор, позволяющий перевозить северокорейские иранские и российские грузы вне поля зрения западного страхового и мониторингового контроля; подобная инфраструктура становится материальным воплощением сетевой теории санкционного обхода.

В совокупности перечисленные концепты формируют целостную аналитическую матрицу: санкции против «жёсткой цели» усиливают внутреннюю устойчивость систем; сжатие внешнеэкономических каналов способствует формированию асимметричных, но устойчивых партнёрств между относительно изолированными от Запада государствами; глобальные сети, будучи «оружейными», подталкивают страны к созданию параллельных инфраструктур, где Россия, располагая ресурсом портов, энергопоставок и финансовых сервисов, приобретает роль системного посредника для КНДР.

Анализ торговых потоков, логистики, санкций и сотрудничества

Экономическое сотрудничество между Москвой и Пхеньяном насчитывает более семи десятилетий. В советский период (1948–1991) КНДР практически полностью находилась в экономическом орбите СССР. На рубеже 1980-х – 1990-х годов Советский Союз обеспечивал свыше половины внешней торговли Северной Кореи. Так, к 1990 году на СССР приходилось 53,3% внешнеторгового оборота КНДР, а двусторонний товарооборот достиг \$2,2 млрд. После распада Советского Союза экономические связи претерпели

коллапс: старая система расчётов рухнула, а новые рыночные отношения складывались с трудом на фоне кризисов в обеих странах. В 1995 году объем торговли между РФ и КНДР сократился до всего \$83 млн (падение более чем в 25 раз по сравнению с 1990 г.). С середины 1990-х гг. сотрудничество поддерживалось на минимальном уровне: в 1996 г. стороны официально признали утрату силы советского Договора 1961 г. о взаимопомощи, хотя одновременно заключили ряд соглашений о сотрудничестве в лесной промышленности, инвестициях и налогах [3].

Возрождение экономических контактов началось в начале 2000-х годов на фоне потепления политических отношений. В феврале 2000 г. был подписан новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР, заложивший современную правовую базу двусторонних связей. За ним последовала серия визитов на высшем уровне (визиты Владимира Путина в Пхеньян в 2000 г. и Ким Чен Ира в Москву в 2001 г.), в ходе которых стороны декларировали стремление активизировать торгово-экономическое взаимодействие. Однако реальный товарооборот рос медленно из-за сохранявшихся структурных проблем и осторожности российского бизнеса. Важным шагом стало заключение в 2007 г. соглашения о временном привлечении северокорейской рабочей силы в РФ, что легализовало присутствие тысяч рабочих из КНДР на Дальнем Востоке и принесло пользу обеим сторонам (дешёвая дисциплинированная рабочая сила для России и валютные поступления для КНДР) [10].

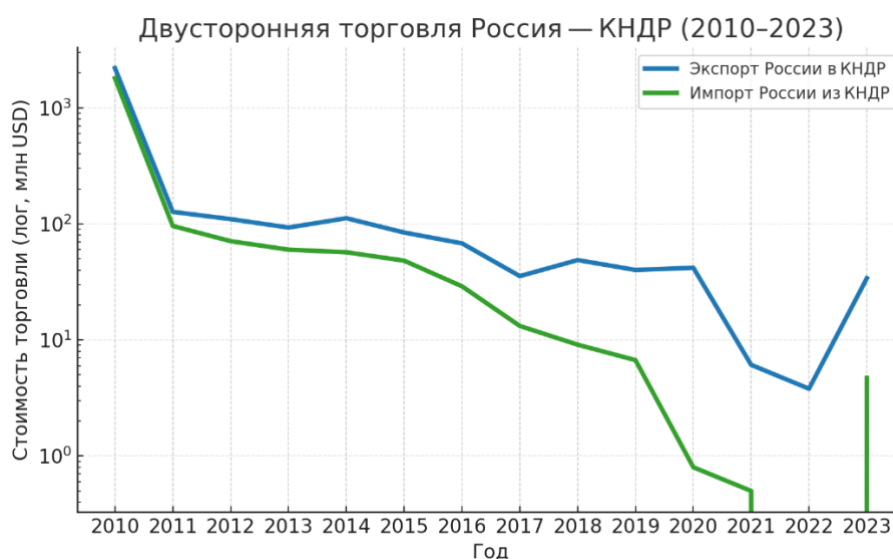
Качественно новый этап наступил в начале 2010-х гг., когда Россия предприняла масштабные инициативы по экономическому вовлечению Северной Кореи. Кульминацией стала договоренность о реструктуризации колоссального северокорейского долга, оставшегося со времен СССР (около \$11 млрд). В 2012 г. стороны подписали соглашение, по которому 90% долга подлежало списанию, а оставшиеся ~\$1,1 млрд КНДР обязалась выплатить в течение 20 лет с рассрочкой, причем эти средства планировалось направить в совместный инвестиционный фонд. Данное соглашение (ратифицировано

Госдумой РФ в 2014 г.) сняло главный финансовый раздражитель в отношениях и открыло путь для новых проектов. Параллельно в 2014 г. было подписано соглашение о переходе во взаимных расчетах на российские рубли, что облегчало торговлю, минуя долларовые транзакции под санкциями. В 2015 г. создан совместный Деловой совет «Россия–КНДР» для стимулирования прямых связей между предприятиями. Были также заключены отраслевые соглашения – о сотрудничестве в электроэнергетике (2015) и транспорте, образовании и науке (2018).

Реальным воплощением новой стратегии стали инфраструктурные проекты на корейском направлении. В 2008–2014 годах РФ за свой счет реализовала проект реконструкции железной дороги от российской станции Хасан до северокорейского порта Раджин (54 км) и модернизации порта Раджин. Проект «Хасан–Раджин» позволил соединить Транссибирскую магистраль с портовыми мощностями КНДР на Японском море и рассматривался как часть более амбициозного плана по созданию транскорейского железнодорожного коридора до Республики Корея. В 2013–2014 гг. по этой линии были проведены пробные отправки грузов (например, экспорт российского угля через порт Раджин в Ю.Корею), продемонстрировавшие потенциал трехстороннего сотрудничества. Одновременно обсуждались проекты газопровода из РФ в РК через территорию КНДР и энергетического моста (ЛЭП) Россия–КНДР–РК. Хотя из-за обострения обстановки в 2015–2017 гг. данные мегапроекты не были реализованы, сама их проработка заложила основу для будущего взаимодействия при улучшении политической ситуации [29].

К сожалению, начиная с 2016 г. рост сотрудничества был заторможен новым витком кризиса вокруг ядерной программы Пхеньяна и последовавшим ужесточением санкций СБ ООН. Резолюции 2270 (март 2016 г.), 2321 (ноябрь 2016 г.), 2375 и 2397 (2017 г.) ввели строгие ограничения на торговлю с КНДР практически по всем ключевым статьям – запрещен экспорт из КНДР угля, железа, текстиля, морепродуктов и др., установлены квоты на поставки нефти

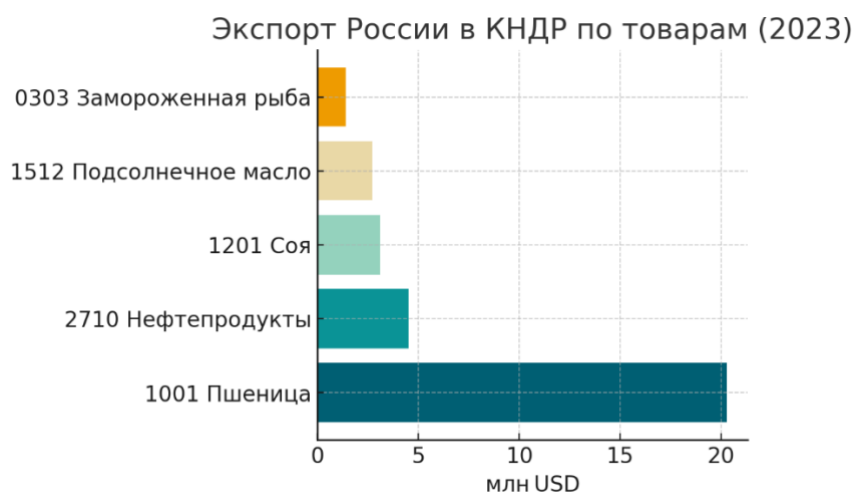
и нефтепродуктов в КНДР (не более 500 тыс. баррелей в год), всем странам предписано к концу 2019 г. выдворить северокорейских трудовых мигрантов. Россия как добросовестный член ООН официально присоединилась к исполнению этих мер. В результате объем официальной торговли РФ–КНДР существенно сократился после 2016 г. Если в 2015 г. двусторонний товарооборот составлял \$84,3 млн, то к 2020 г. он упал до \$42,7 млн. На динамике сказалась и пандемия COVID-19: с начала 2020 г. Северная Корея закрыла границы, полностью прекратив практически все торговые сообщения, включая железнодорожное сообщение с Россией (оно было прервано весной 2020 г.). В 2021 г. обмены находились на минимуме, а в 2022 г. товарооборот составил лишь \$3,78 млн – фактически нулевой уровень, поддерживаемый только гуманитарными поставками.

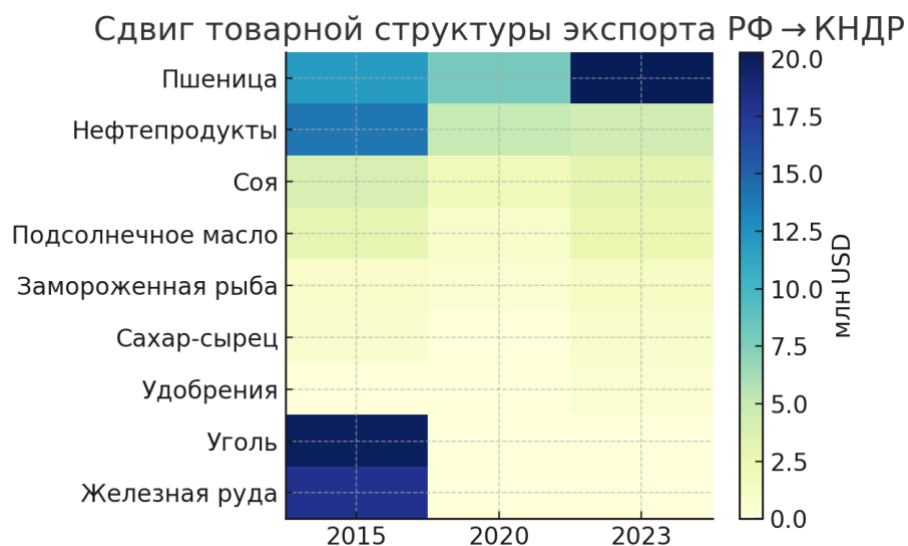
С середины 2023 года ситуация начала меняться. Возобновление сухопутного и морского сообщения привело к взрывному росту торговли с низкой базы. Российские официальные лица отмечали, что уже по итогам первых десяти месяцев 2023 г. товарооборот превысил \$29 млн, а к концу года – около \$34 млн. По словам помощника Президента Ю. Ушакова, это более чем 9-кратный рост по сравнению с предыдущим годом. Хотя в абсолютных цифрах \$34 млн – невеликая величина, символическое значение имел сам факт возобновления активной торговли. Структура двустороннего обмена при этом претерпела изменения в силу санкций: полностью отсутствовали позиции,

ранее значимые для КНДР (например, экспорт северокорейских полезных ископаемых, металлов, угля – они запрещены резолюциями ООН). Зато увеличилась доля продовольствия и других разрешенных товаров из России. Согласно обзору Министерства сельского хозяйства РФ, за 2023 год в КНДР было отправлено около 22 тысяч тонн российской сельхозпродукции, в том числе значительные объемы пшеничной муки (до 69% поставок в натуральном выражении) и сахара (около 10%). После многолетнего перерыва возобновились экспорт подсолнечного масла, соевых бобов, свинины и рыбы, что говорит о расширении ассортимента торговли. Российская сторона видит перспективы закрепления на северокорейском рынке продовольствия и агротехнологий: в марте 2025 г. правительства двух стран договорились о сотрудничестве в области сельского хозяйства, предполагающем поставки российских удобрений, семян и сельхозтехники в КНДР.

Импорт КНДР из России также включает нефтепродукты – критически важную для северокорейской экономики группу товаров. После 2017 г. поставки топлива в КНДР были строго лимитированы (не более 500 тыс. баррелей нефтепродуктов в год согласно резолюции СБ ООН). Россия официально заявляла о соблюдении этих ограничений, и в 2018–2021 гг. экспорт российского бензина и дизельного топлива в КНДР не превышал несколько тысяч тонн ежегодно, по данным Комитета 1718 (санкционного комитета ООН). Однако в 2023 году появились свидетельства увеличения этих поставок. В июне 2023 г. ООН опубликовала доклад, где отмечено, что Россия возобновила экспорт нефти и нефтепродуктов в Северную Корею. Вероятно, речь идет о торговле в рамках разрешенных квот, хотя эксперты не исключают и неофициальных схем – например, поставок “судно-судно” в открытом море, зафиксированных ранее в обход санкций. Энергетическая составляющая торговли начала восстанавливаться, что крайне важно для КНДР, испытывающей хронический дефицит горючего.

Северокорейский экспорт в Россию традиционно был скромным по номенклатуре и объему, и санкции еще более его сократили. До 2017 г. Россия импортировала из КНДР некоторые виды минерального сырья (магnezит, редкие металлы), легкую промышленную продукцию (текстиль, трикотаж) и морепродукты. После запретов эти категории исчезли из статистики. В 2023 году небольшие поставки из КНДР возобновились: сообщалось, что из Северной Кореи ввозились органические химические соединения и определенные виды продукции пищевой промышленности. Кроме того, продолжились поставки по линии «товар в обмен на задолженность»: по соглашению 2014 года непогашенные \$1 млрд долга КНДР перед Россией могут вноситься в виде северокорейских товаров и услуг. В частности, до 2019 г. часть этого долга погашалась за счет услуг северокорейских рабочих в России (об этом – ниже), а также поставками некоторых товаров, например, медной руды. В последние годы подобные схемы затруднены санкциями, но их возобновление не исключается.

Подводя итог, можно констатировать, что после 2022 года двусторонняя торговля РФ–КНДР переживает фазу восстановления. Объемы еще далеки от показателей советского периода (для сравнения: в 1990 г. товарооборот СССР и КНДР достигал \$2,2 млрд), но тренд явно восходящий. Структура торговли смещается в сторону базовых товаров – продовольствия, топлива, необходимых Северной Корее для выживания под санкциями. Для России северокорейский рынок остается небольшим и сравнительно малоценным в коммерческом отношении, однако приобретает стратегическое значение с точки зрения политической поддержки и присутствия в регионе. Более того, успешное наращивание обмена с КНДР демонстрирует способность России перенаправлять внешнюю торговлю на альтернативные рынки в обход западных ограничений.

Географическая близость и общая граница протяженностью 39 км определяют важность транспортно-логистического обеспечения российско-северокорейской торговли. Исторически взаимодействие опиралось на единственную сухопутную переправу – железнодорожный мост через реку Туманная («Мост дружбы») между российской станцией Хасан (Приморский край) и северокорейской станцией Туманган. Этот мост, построенный еще в середине XX века, до недавнего времени оставался единственным наземным коридором для пассажирских и грузовых перевозок. По нему курсировал пассажирский поезд сообщением Москва–Пхеньян (через

пересадку в Уссурийске) и осуществлялись периодические грузовые поставки. Грузооборот был умеренным, а инфраструктура – устаревшей; кроме того, с 2020 по 2023 гг. железнодорожное сообщение было прервано из-за закрытия границ КНДР в пандемию. Возобновление движения поездов началось в конце 2022 г. – начале 2023 г., чему способствовало смягчение карантинных мер Пхеньяна и политические договоренности о расширении сотрудничества.

В последние годы реализуются новые логистические проекты, призванные увеличить пропускную способность границы и диверсифицировать маршруты. Ключевым проектом стал автомобильный мост через реку Туманная. Идея соединить Россию и КНДР шоссейной дорогой обсуждалась давно, но конкретные шаги начались в 2019 г., когда были подготовлены технико-экономические обоснования проекта. Затем реализацию приостановили, вероятно, из-за пандемии и политической обстановки. Возобновление проекта произошло на фоне потепления отношений: 13 февраля 2024 г. депутат К. Тайсаев (руководитель группы по связям с парламентом КНДР) объявил о начале строительства моста. Уже 30 апреля 2025 года в Приморском крае состоялась торжественная церемония начала работ по возведению автомобильного перехода. Мост свяжет поселок Хасан с северокорейским берегом и позволит напрямую перевозить грузы и пассажиров автотранспортом, минуя сложную процедуру погрузки на железную дорогу. Ожидается, что новая переправа повысит гибкость логистики: например, будут возможны автобусные туры, автомобильные грузоперевозки скоропортящихся товаров, доставка гуманитарных грузов автоколоннами и пр. Хотя эксперты отмечают, что на первых порах существующих ж/д мощностей хватает для текущих объемов торговли, строительство моста имеет стратегический задел на будущее и символизирует долговременное присутствие России на Корейском полуострове.

Помимо сухопутных маршрутов, развивается и морская логистика между КНДР и Дальним Востоком России. Ранее морское сообщение носило эпизодический характер – к примеру, поромная линия Раджин–Владивосток,

открытая в 2017 г., просуществовала недолго. Однако в 2023 г. появились сообщения о регулярных морских перевозках. В частности, в июле 2023 года были зафиксированы контейнерные суда, пришедшие из северокорейского порта Вонсан во Владивосток. Западные разведывательные источники утверждали, что в этих контейнерах могли находиться боеприпасы, отправленные КНДР в обмен на российские продовольствие и энергоносители. Официально эта информация не подтверждена, но очевидно, что морской путь стал использоваться активнее для двустороннего обмена. Для Северной Кореи он привлекательнее железнодорожного, так как позволяет миновать узкое место в Хасане и отправлять крупнотоннажные грузы (например, уголь или металлы) морем сразу в российские порты (Находка, Владивосток). Россия, в свою очередь, может поставлять зерно, нефть и другие объемные грузы морским путем до порта Нампхо или других портов КНДР. В долгосрочной перспективе рассматривается участие российской стороны в развитии портовой инфраструктуры КНДР – модернизация портов Раджин, Сонбон, а также создание в них специальных терминалов под российские грузы.

Особо стоит упомянуть проект железнодорожного коридора Хасан–Раджин, который является одним из немногих крупных инвестпроектов России в КНДР. В 2008–2014 годах «Российские железные дороги» (РЖД) при финансовой поддержке правительства РФ восстановили 54 км железнодорожного полотна от станции Хасан до порта Раджин и модернизировали третий терминал порта для обработки грузов. Объем инвестиций составил порядка \$250 млн (около 9,5 млрд руб.). Проект изначально задумывался как часть масштабной инициативы по соединению Транссиба с корейской железнодорожной сетью и организации транзита грузов между Россией, КНДР и Республикой Корея. В 2014–2015 гг. в тестовом режиме через Раджин отправлялись партии российского угля, которые морем доставлялись в южнокорейские порты. Однако из-за обострения обстановки на Корейском полуострове и усиления санкций проект приостановился: Сеул вышел из соглашения после ядерных испытаний КНДР, а подсанкционные

режимы ограничили коммерческое использование порта Раджин. Тем не менее, Раджинский проект не заморожен окончательно. Российско-северокорейское совместное предприятие «РсонКонТранс» продолжает техническое обслуживание дороги и терминала. В 2023 г. стороны заявили о намерении возобновить полную эксплуатацию маршрута, что позволит России экспортировать через КНДР товары (в первую очередь уголь и нефтепродукты) в третьи страны, обходя перегруженные дальневосточные порты. Инфраструктурная база для сотрудничества расширяется, создавая условия для дальнейшего роста товарооборота.

В целом улучшение логистической связности – строительство автодорожного моста, модернизация ж/д и портов – служит фундаментом для наращивания экономических связей. Это особенно важно в условиях санкций, когда маршруты доставки должны быть надежными, но в то же время малозаметными для внешнего контроля. Собственные погранпереходы и порты, которыми оперируют Россия и КНДР без участия третьих стран, минимизируют риски внешнего давления на торговлю. Так, новый мост и восстановленный порт Раджин позволят двум странам обмениваться товарами напрямую, вне юрисдикции каких-либо иных государств или международных компаний. Логистическая автономность становится залогом устойчивости экономического сотрудничества Москвы и Пхеньяна.

Режим международных санкций остается определяющим фактором, влияющим на формат и масштабы экономических связей РФ и КНДР. С 2006 г. и по настоящее время СБ ООН принял более десятка резолюций, накладывающих ограничения на торговлю, инвестиции и финансовые операции с КНДР в ответ на ее ракетно-ядерную программу. Россия, будучи постоянным членом Совбеза, все эти годы официально поддерживала санкционный режим. Как отмечалось выше, в 2010 г. и 2017 г. выходили президентские указы РФ о присоединении к санкциям, которые запрещали поставки оружия, чувствительных технологий, сотрудничество в военной области, а позже – ограничивали научно-технический обмен и банковские

операции с Северной Кореей. В результате к концу 2010-х экономические связи двух стран были во многом деюре заморожены в самых перспективных сферах – энергетике, добыче полезных ископаемых, крупной промышленной кооперации. Например, российским компаниям было запрещено инвестировать в северокорейские горнодобывающие проекты или совместно разрабатывать нефтегазовые месторождения на шельфе КНДР. Финансовые санкции затруднили расчеты: северокорейские банки отключены от SWIFT, а любые трансакции в долларах подлежат контролю, что вынудило стороны перейти на расчеты в рублях или через бартер.

Однако с 2022 года, на фоне собственного попадания России под масштабные западные санкции, Москва стала более критично относиться к режиму ограничений против КНДР. Российские официальные лица все чаще указывают на неэффективность и негуманность тотальных санкций в отношении Северной Кореи. В частности, из-за эмбарго КНДР испытывает острую нехватку техники и медикаментов, что ставит под угрозу жизнь обычных граждан. В этой связи в 2023–2024 гг. в российской дипломатической риторике появилась тема смягчения санкций: глава МИД С. Лавров публично заявлял о необходимости пересмотреть санкционный режим, и Россия в СБ ООН блокировала предложения о его усилении. В октябре 2023 г., во время визита в Пхеньян, министр Лавров прямо обвинил США в том, что их политика мешает развитию Корейского полуострова, и выразил поддержку позиции КНДР. А в 2024 г. президент В. Путин пошел еще дальше, заявив, что международное сообщество должно задуматься об отмене некоторых санкций против Пхеньяна, поскольку они препятствуют гуманитарному сотрудничеству. Символичным жестом стал подарок Ким Чен Ыну – бронированный лимузин August российского производства стоимостью около 40 млн руб., который Путин преподнес во время саммита в 2023 г. Несмотря на запрет на экспорт в КНДР предметов роскоши, российский лидер продемонстрировал готовность обходить эти ограничения ради укрепления личных связей с северокорейским руководством.

Все свидетельствует о том, что Москва де-факто отошла от строгого соблюдения санкционного режима ООН в отношении с Пхеньяном. Это проявляется, например, в возобновлении сотрудничества в областях, ранее закрытых резолюциями. Так, имеются данные о поставках из КНДР артиллерийских снарядов и ракет в Россию для нужд военной операции в Украине – вопреки прямому запрету на торговлю вооружениями с Пхеньяном. В обмен, по информации южнокорейской разведки, Россия передала КНДР продовольствие, топливо и возможно некоторые образцы военной техники или технологии (например, для спутниковых и подводных программ). Обе стороны официально отрицают факт такой сделки, однако в сентябре 2023 г. на встрече Ким Чен Ына и В. Путина на космодроме Восточный обсуждались вопросы военно-технического сотрудничества, и российский президент заявлял, что «возможности есть» при соблюдении международных обязательств. Уже сам факт подобного диалога указывает на эрозию прежних ограничений. Кроме того, в ноябре 2023 г. межправительственная комиссия по сотрудничеству (впервые за много лет собравшаяся очно) рассмотрела проекты в энергетике и высоких технологиях, в том числе возможность строительства в КНДР атомной электростанции российскими силами. Ранее, в 2017 г., подобные инициативы были бы немыслимы из-за санкций, но теперь российские власти открыто заявляют о готовности к крупным инфраструктурным проектам, если «политические условия позволят».

Важнейшим аспектом остается вопрос северокорейской рабочей силы в России. Трудовая миграция из КНДР – давний элемент двусторонних связей: с советских времен тысячи северокорейцев работали на лесозаготовках, стройках и фабриках в Сибири и на Дальнем Востоке. Эти работники были значимым источником валюты для Пхеньяна. Но резолюция СБ ООН 2397 (2017) потребовала вернуть всех северокорейских трудовых мигрантов на родину к концу 2019 г., и Россия официально выполнила это требование. Согласно данным МВД РФ, численность граждан КНДР, получивших разрешения на работу, сократилась с ~30 тыс. человек в 2017 г. до единиц в

2020 г. Однако в 2023–2024 гг. появились признаки обхода этого ограничения. Сообщается, что под видом студентов или через третьи страны (например, через Абхазию или ЛНР/ДНР) в Россию вновь прибывают северокорейские рабочие бригады. В сфере трудового сотрудничества также происходит де-факто снятие барьеров, ранее возведенных санкциями.

В совокупности, санкционное давление уже не столько ограничивает российско-корейское сотрудничество, сколько определяет его нестандартные формы. Страны вынуждены взаимодействовать в обход формальных каналов: через бартер, через обмены “натура на натуру” (оружие на еду, рабочие на нефть), через посредников и теневые схемы. Экономические связи становятся менее прозрачными, но более тесными в политико-стратегическом измерении. КНДР, по сути, превратилась в испытательный полигон для российской стратегии по созданию параллельной системы международной торговли, не зависящей от доллара и контролируемых Западом институтов. Если Москва научится эффективно помогать Пхеньяну обходить санкции (а это включает, например, использование криптовалют, альтернативных платежных систем, новых транспортных коридоров), это усилит ее позиции и в противостоянии собственным санкциям. Поэтому в российском экспертном сообществе постепенно формируется мнение, что поддержка Северной Кореи отвечает национальным интересам России, поскольку открывает путь к формированию коалиции государств, противостоящих экономическому диктату США. Санкции, парадоксальным образом, стимулировали трансформацию двусторонних связей: из отношений, ограниченных протоколом, они переросли в отношения, где преобладает прагматичный подход «взаимной выгоды» в обход внешних правил.

Инвестиционное сотрудничество России и КНДР исторически уступало по масштабу торговому и гуманитарному взаимодействию. Причины понятны: северокорейская экономика непривлекательна для иностранных инвесторов из-за своей закрытости, непредсказуемости политики и санкционных рисков. Тем не менее, были прецеденты российских инвестиций и совместных

проектов, а в новых условиях возникают окна возможностей для инвестиционно-технологического взаимодействия, продиктованные взаимными интересами.

Крупнейший реализованный проект – уже упомянутая реконструкция железной дороги Хасан–Раджин с участием РЖД. Кроме него, российский бизнес предпринимал попытки войти в другие сферы КНДР. Например, в 2000-е годы компания «Золотой мост» (Приморский край) создавала в КНДР совместное предприятие по мобильной связи, однако проект столкнулся с бюрократическими препятствиями и был сверен. В сфере добычи полезных ископаемых обсуждались инвестиции «Колмар» и других российских предприятий в разработку северокорейских месторождений цинка, магнетита, редкоземельных металлов – КНДР богата минеральными ресурсами, полезными для российской промышленности. Однако наложение санкций в 2016–2017 гг. заморозило все эти начинания. Перспективным направлением могли бы стать совместные энергетические проекты: газопровод из России в Южную Корею через территорию КНДР, обсуждавшийся в начале 2010-х, или поставки электроэнергии в Северную Корею из российского Приморья. Такие идеи продвигались энтузиастами интеграции (например, РФ предлагала Республике Корея «разменять» прогресс в денуклеаризации на экономическое сотрудничество – так родилась концепция трансгазопровода через КНДР). Однако реализация этих инициатив уперлась в политические реалии: отсутствие прогресса в ядерном вопросе и противодействие США заблокировали инфраструктурные мегапроекты.

На современном этапе, как отмечают аналитики, возможности для инвестиций ограничены, но некоторые ниши все же существуют. Одна из них – сельское хозяйство и продовольствие. КНДР хронически не хватает продовольствия, страна подвержена риску голода. Россия же – ведущий мировой экспортер зерна. Уже упомянутое соглашение о сотрудничестве в АПК предполагает не только торговлю, но и инвестирование: поставку в КНДР российских теплиц, сельхозоборудования, возможно участие российских

агрономов и ученых в восстановлении северокорейского агросектора. Это может включать совместные проекты по выращиванию зерновых на новых землях (в КНДР есть планы освоения целинных участков), по строительству мельничных комплексов и хранилищ, модернизации рыбопереработки и т.д. Такие инвестиции были бы полезны Пхеньяну и не противоречат международному праву, так как продовольствие не подпадает под санкции.

Другая потенциальная сфера – энергетика и сырье. Северокорейская промышленность остро нуждается в модернизации энергетической базы. В стране не хватает электроэнергии, износ электростанций огромен. Россия могла бы инвестировать в реконструкцию ТЭЦ или ГЭС КНДР, поставлять оборудование, турбины, трансформаторы – тем более что КНДР технологически совместима с российскими стандартами (еще с советских времен). Особый интерес представляет идея строительства атомной электростанции (АЭС) российского дизайна на территории КНДР. Еще в 1985 г. СССР и КНДР подписали соглашение о строительстве АЭС, но оно так и не было реализовано. Сейчас, на фоне энергетического кризиса в КНДР, эта тема всплывает снова. Разумеется, реализация атомного проекта противоречит санкциям (технологии двойного применения) и вызывает возражения соседей (Республика Корея вряд ли одобрит), поэтому пока эта идея остается теоретической. Однако сам факт ее обсуждения на межправительственном уровне в 2023 г. показывает новый уровень доверия и готовности к долгосрочным инвестициям.

Кроме энергетики, горнодобыча – потенциально взаимовыгодная отрасль. Российские предприятия, испытывающие дефицит редких металлов, могли бы вложиться в добычу, скажем, молибдена или лития в КНДР. В обмен Северная Корея получила бы доступ к российской технике и логистике. Есть данные, что в 2023 г. велись переговоры о допуске российских геологических служб к разведке недр КНДР, что могло бы стать первым шагом к партнерству. Однако детали держатся в секрете.

Технологический обмен между странами исторически был незначителен (ввиду разницы в уровнях развития). Тем не менее, есть области, где технологии РФ могут быть востребованы КНДР и не запрещены санкциями: это, например, медицина и здравоохранение (поставки российского медицинского оборудования в КНДР, крайне нуждающуюся в этом), информационные технологии (несмотря на отсталость, КНДР интересуется кибербезопасностью, а у России есть компетенции), образование и наука. В 2023–2024 гг. отмечается рост контактов между университетами: делегации северокорейских вузов посещали МГУ, Дальневосточный федеральный университет, обсуждены программы обмена студентами. Это «мягкая сила», которая закладывает основы для будущего технологического сотрудничества. Например, подготовленные в России северокорейские инженеры в перспективе могут участвовать в совместных проектах.

Наконец, особое место занимает военно-техническое сотрудничество, которое, хотя и напрямую не относится к гражданской экономике, но опосредованно влияет на технологический уровень взаимодействия. Пхеньян проявляет интерес к определенным российским военным технологиям – прежде всего, к спутниковым и ракетным. Визит Ким Чен Ына на российский космодром и заводы ПВО в 2023 г. был явным сигналом такого интереса. Если предположить, что Россия решится помочь КНДР в развитии, например, средств ПВО или спутниковых систем (в обмен на северокорейские боеприпасы), то такая кооперация неизбежно приведет к трансферу технологий двойного назначения (металлургия, электроника, оптика). Косвенно это может дать толчок развитию соответствующих отраслей промышленности КНДР, которые потом найдут применение и в гражданском секторе. С другой стороны, КНДР обладает некоторыми нишевыми технологиями, которые потенциально интересны России. Например, северокорейские химики славятся навыками в производстве специальных материалов (пороха, взрывчатых веществ), а IT-специалисты из КНДР – известные криптографы и хакеры. Теоретически, обмен может пойти и в эту

сторону: Москва получит доступ к определенному опыту КНДР в обход западных патентов или ограничений. Подобное партнерство, конечно, остается деликатным и непубличным, но в условиях изоляции обеих стран выглядит все более вероятным.

Подводя итог по этой части: инвестиционно-технологическая составляющая российско-северокорейских связей пока отстает от торговой, но имеет перспективы роста по мере углубления политического союза. Пока преобладают точечные проекты (ж/д линия, зерновые поставки, студенческие обмены), однако в будущем возможно появление крупномасштабных инициатив – будь то совместное освоение природных ресурсов КНДР, строительство инфраструктуры или интеграция энергосистем. Ключевым ограничителем остаются санкции и связанные с ними финансово-правовые риски. Но, как видно, Россия все более склонна игнорировать внешние запреты ради своих стратегических целей. Если эта тенденция продолжится, можно ожидать настоящего прорыва: от символических жестов стороны перейдут к реализации проектов, трансформирующих экономический ландшафт Северной Кореи (например, строительство современного энергообъекта или промышленного предприятия силами РФ). Для КНДР это означало бы колоссальную поддержку, сравнимую с временами советской помощи, а для России – закрепление влияния в регионе и создание еще одного плацдарма для своей экономики вне западной системы координат.

Заключение

Трансформация экономических связей между Россией и КНДР в последние годы носит во многом беспрецедентный характер. На наших глазах отношения, долгое время считавшиеся второстепенными и ограниченными, переросли в формат тесного партнерства, подкрепленного не только политическими заявлениями, но и конкретными материальными обменами. Главный сдвиг произошел после 2022 года: взаимное отчуждение от развитого

мира подтолкнуло Москву и Пхеньян к поиску друг в друге новых экономических возможностей.

Анализ показал, что товарооборот, почти сошедший на нет к 2020–2022 гг., за 2023 г. значительно вырос, особенно за счет российских поставок продовольствия и топлива. Логистическая инфраструктура стремительно развивается – начато строительство автодорожного моста, возобновлена эксплуатация порта Раджин, что закладывает основы для дальнейшего увеличения торговых потоков. Санкционное давление, ранее сдерживавшее сотрудничество, теперь фактически нивелируется: Россия переосмыслила свое отношение к санкциям против КНДР и все чаще идет на их игнорирование ради собственных интересов. В то же время КНДР, почувствовав поддержку мощного соседа, смелее вовлекается в обмены, включая и чувствительные области (вооружения, технологии). Инвестиционная компонента пока лишь вырисовывается – через совместные проекты в сельском хозяйстве, энергетику, образование – но и она набирает обороты.

Следует подчеркнуть, что современный этап отношений имеет ретроспективные корни: в течение почти десятилетия (с середины 2010-х) Россия целенаправленно готовила почву – урегулировала старые долги, заключила рамочные соглашения, продемонстрировала дипломатическую поддержку (например, блокировала в ООН слишком жесткие резолюции). Пхеньян, со своей стороны, также шел к сближению, постепенно синхронизируя позиции с Москвой по международным вопросам (вплоть до признания им в 2022 г. российского суверенитета над спорными территориями на Украине). «Поворот на Восток» для России и «стратегия опоры на север» для КНДР совпали в исторический момент, создавая новую реальность в Северо-Восточной Азии.

Для академической науки случай российско-северокорейских отношений представляет ценный пример: здесь мы наблюдаем формирование альтернативной модели международного экономического сотрудничества, существующей параллельно глобальным институтам. Эта модель базируется

на политических договоренностях лидеров, обмене жизненно важными ресурсами и взаимной поддержке режимов, а не на рыночной эффективности или интеграции в мировой рынок. Ее устойчивость еще предстоит проверить временем. Некоторые эксперты скептически и указывают, что текущий «расцвет» может носить конъюнктурный характер: если внешние обстоятельства изменятся (например, завершится военный конфликт в Европе или начнется диалог США с КНДР), то сторонам станет менее нужно держаться вместе. Кроме того, явное нарушение санкций несет риски – вплоть до вторичных санкций против российских компаний, вовлеченных в сделки с КНДР, что в будущем может осложнить сотрудничество.

Однако на данный момент признаки указывают на то, что текущий курс на сближение носит стратегический и долгосрочный характер. В пользу этого говорит институционализация связей: возобновлена работа межправительственной комиссии, подписан прецедентный Договор о всеобъемлющем партнерстве, значительно учащены визиты высокопоставленных делегаций. Лидеры двух стран демонстрируют личное взаимопонимание, что крайне важно для режима КНДР с его персонифицированной властью. Если эта конфигурация сохранится, через 5–10 лет мы можем увидеть значительно более интегрированные экономики: возможно, северокорейские рабочие снова в большом количестве будут трудиться на Дальнем Востоке России, российские компании будут добывать полезные ископаемые в горах КНДР, а торговые суда с российским зерном и нефтью станут привычным явлением в порту Нампхо. В свою очередь, Северная Корея, получая доступ к российским ресурсам и технологиям, сможет улучшить свою экономическую ситуацию – что уже отражается, например, в первой за много лет положительной динамике ВВП КНДР (по оценкам Банка Кореи, в 2023 г. экономика КНДР выросла на 3,1%, что частично связывают со «сближением Москвы и Пхеньяна»).

В заключение, трансформация экономических связей РФ и КНДР – это не одномоментное событие, а процесс, обусловленный как ретроспективными

факторами (наследие холодной войны, санкционная история), так и современной геополитикой. Этот процесс демонстрирует адаптационные возможности государств перед лицом внешнего давления и их стремление выстроить новую архитектуру сотрудничества, основанную на взаимной выгоде и политическом союзе. Для дальнейших исследований представляет интерес мониторинг конкретных экономических показателей (объемы торговли по категориям, инвестиции, миграционные потоки) и моделирование сценариев: будет ли рост устойчивым, какие новые сектора подключатся к сотрудничеству, и как это повлияет на региональную экономическую конфигурацию (например, на позиции Китая или Республики Корея). Уже сейчас очевидно, что появление «ось Москва–Пхеньян» в экономике меняет баланс сил в Восточной Азии и ставит новые вопросы перед международными институтами. Российско-северокорейские отношения, еще недавно «застывшие» и рутинные, превращаются в динамичный фактор, который придется учитывать всем заинтересованным сторонам – от Сеула и Пекина до Вашингтона и Токио.

Список источников и данных:

1. UN Comtrade Database [Электронный ресурс] // United Nations Commodity Trade Statistics Database. – Режим доступа: <https://comtrade.un.org> (дата обращения: 10.06.2025).
2. World Integrated Trade Solution [Электронный ресурс] // World Bank. – Режим доступа: <https://wits.worldbank.org> (дата обращения: 10.06.2025).
3. Внешняя торговля Российской Федерации : ежегод. обзор. – М. : ФТС России, 2015–2023.
4. Росстат. Статистика внешней торговли Российской Федерации за 2010–2022 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2025).

5. The Observatory of Economic Complexity. North Korea Profile [Электронный ресурс]. – URL: <https://oec.world> (дата обращения: 10.06.2025).
6. Bank of Korea. Gross Domestic Product Estimates for North Korea, 2020–2023. – Seoul : Bank of Korea, 2024.
7. UN Security Council. Final report of the Panel of Experts established pursuant to resolution 1718 (2006) concerning non-proliferation. – Doc. S/2023/171. – New York : UN, 2023.
8. UN Security Council. Resolution 2397 (2017). – New York : UN, 2017.
9. UN Security Council. Resolution 2375 (2017). – New York : UN, 2017.
10. КНДР и её отношения с миром // Коммерсантъ. – 2024. 19 июня.
11. Россия и КНДР продолжают встречное движение // Коммерсантъ. – 2025. № 78.
12. Неэрбаева А. Сотрудничество России с КНДР вышло на новый уровень // Независимая газета. Дипкурьер. – 2024. 24 ноября.
13. Толорая Г. Д.; Коргун И. А. К вопросу о продуктивности санкций в отношении КНДР // Полис. Политические исследования. – 2022. № 3.
14. Толорая Г. Д.; Коргун И. А.; Горбачева В. О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. – М. : Ин-т экономики РАН, 2020. 46 с.
15. Zakharova L. V. Perspectives of Russia–DPRK economic relations in new geopolitical conditions // Мировое и национальное хозяйство. – 2023. № 4.
16. Haggard S.; Noland M. Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. – Stanford : Stanford Univ. Press, 2017. 312 с.
17. Habib B. The Impact of UN Sanctions on the North Korean Economy – Current Assessment // Korean Economic Review. – 2016. Vol. 32, № 1.

18. Toloraya G. Russia–North Korea Relations: Finally Blossoming? // 38 North (Stimson Center). – July 2023.
19. Lukin A. Moscow’s Asian Gambit: Russia–DPRK and Russia–ROK relations after Ukraine // Asia & Europe Journal. – 2023. Vol. 21, № 2.
20. Минвостокразвития РФ. Работы по строительству моста через р. Туманная возобновлены : пресс-релиз. – 13.02.2024.
21. Интервью Лаврова С. В. в Пхеньяне : стенограмма / МИД РФ. – Окт. 2023.
22. Постановление Правительства РФ от 15.01.2023 № 18 «Об утверждении перечня государств ...». – Российская газета.
23. Zhukov Y. Trading with Kim: Local sanctions evasion in North Korea’s cross-border economy // Journal of East Asian Studies. – 2021. Vol. 21, № 3.
24. Чусов С. Экономика Северной Кореи [Электронный ресурс] // TAdviser. – 2025. URL: <https://tadviser.ru> (дата обращения: 10.06.2025).
25. Балаян А. Э. Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия // Вестник РУДН. Международные отношения. – 2020. Т. 20, № 4.
26. Ким Е. В. Перспективы развития экономического сотрудничества РФ и КНДР на современном этапе // Азия и Африка сегодня. – 2021. № 7.
27. Russia and the Two Koreas: Old Challenges, New Opportunities / Valdai Discussion Club Report. – Sept. 2023.
28. KCNA (ЦТАК). Официальные сообщения КНДР, 2022–2023 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kcna.kp> (дата обращения: 10.06.2025).
29. Коллажников А. Ю. Экономические интересы России на Корейском полуострове. – М. : ИМЭМО РАН, 2022.

30.Внешнеэкономический вестник. – 2023. № 5 : спецвыпуск по Дальнему Востоку.